

ПЕРВАЯ ТОМСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ШКОЛА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ-ПСИХОЛОГОВ 21 МАРТА 2000 ГОДА

ПОНИМАНИЕ КАК ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

В.В. Знаков (Москва)

Аннотация: В статье анализируются две проблемы. Первая состоит в том, что в конце XX века в гуманитарных науках возникла тенденция изучать понимание не только как познавательный феномен, но и как экзистенциальный, - способ бытия человека в мире, поиски им смысла жизни. Вторая проблема заключается в возникновении объективных оснований для утверждения о формировании новой и относительно самостоятельной отрасли психологического знания - психологии человеческого бытия. Ее предметная область во многом совпадает с экзистенциальной психологией, однако, методы решения проблем в двух названных областях психологического знания принципиально различаются.

Ключевые слова: Понимание, самопонимание, экзистенциальная психология, психология человеческого бытия.

Психология понимания в наше время является одним из перспективных и динамично развивающихся направлений современной психологической науки. Как показывает методологический анализ научных оснований этого направления, с позиций психологии понимания, сегодня можно говорить о двух главных подходах к изучению этого феномена - *познавательном и экзистенциальном*.

В психологии познания понимание рассматривается как мыслительная процедура, направленная не на получение нового знания, а на смыслообразование, приписывание смысла знанию, полученному в процессе мыслительной деятельности. Посредством понимания субъект не только познает окружающий мир, но и выражает свое отношение к социальной действительности (о понимании как познавательном отношении см. [2]). Индивидуальная специфика понимания вносит существенный вклад в формирование личностных способов мышления субъекта, осмысливающего моральные, правовые, политические, экономические ценности изменяющегося мира.

Разнообразные познавательные теоретико-экспериментальные исследования внесли существенный вклад в раскрытие психологических механизмов понимания. Вместе с тем они показали, что, следуя в этом направлении, вряд ли можно получить научное представление не об отдельных сторонах, признаках, характеристиках понимания, а понять его как нечто единое, феноменологически целое. К такому выводу я пришел после многолетнего теоретического и

экспериментального анализа основных условий, необходимых для возникновения понимания, различных форм, в которых оно проявляется, свойств личности, детерминирующих специфику этого феномена, и т.п. [2]. Можно, конечно, и дальше уточнять и углублять наши знания о когнитивных составляющих понимания как

одного из компонентов познавательной деятельности и общения людей. Однако это метод скорее аналитического расчленения, чем синтетического объединения разных и нередко противоречивых данных о целостном феномене.

Для меня показательным примером того, как основательная, кропотливая и вдумчивая исследовательская работа ученого постепенно приводит к тому, что, изучая понимание с

позиций когнитивного подхода, мы, в конце концов, узнаем «все ни о чем», является монография Ж.Ф. Ришара [8]. Он пишет: «Природа знаний в памяти, используемая для понимания текста или ситуации, позволяет нам выделить различные процессы, посредством которых реализуется понимание. Понимание может быть и партикуляризацией схемы, и конструированием реляционной сети, которую используют для переработки очень общих знаний, касающихся целых классов ситуаций, подлежащих переработке (например, что такое рассказ? что такое проблема?). Эти знания уточняют тип информации, который должна содержать в себе интерпретация и тип запретов, которым должна удовлетворять интерпретация в ходе своего построения. Это может быть также конструирование отдельной ситуации, которая должна быть совместима со

всей информацией общего характера, имеющей-ся в распоряжении. Это может быть, наконец, конструирование реляционной или процедурной структуры по аналогии с существующей структурой путем ее модификации с целью адаптации.

Мы увидим, что существует великое множество процессов понимания и что их можно охарактеризовать, исходя из предыдущих различий: термин «понимание» является, таким образом, родовым термином, который надлежит специфицировать в зависимости от типа процесса, с помощью которого реализуется понимание» [8, С. 9].

Последующая и, надо признать, добросовестная спецификация содержания родового термина дает возможность читателю узнать, что такое понимание как партикуляризация схемы, конструирование концептуальной структуры, рассуждение по аналогии с известной ситуацией. Однако, чем детальнее французский психолог рассматривает разные аспекты проблемы, тем труднее уяснить, что представляет собой понимание как целостное, неразложимое на части психологическое образование.

Психология человеческого бытия и экзистенциальная психология

Неудивительно, что сегодня многие ученые стали рассматривать понимание не только как познавательный, но и как экзистенциальный феномен. Экзистенциальный ракурс его рассмотрения предполагает изучение конкретных ситуаций бытия человека и целостного их понимания.

С одной стороны, обращение к экзистенциальным проблемам, необходимость понимания реальных жизненных ситуаций, вызваны практическими запросами, востребованностью психологов в современном российском обществе. Это отчетливо проявляется, например, в практике психологического консультирования. В частности, я имею в виду то направление, которое один из наиболее профессиональных и глубоко мыслящих отечественных психологов, Ф.Е. Васильюк, называет понимающей психотерапией. С позиций данного направления, «в широком смысле психотерапевтическое понимание есть особая интенция, особая диалогическая установка, делающая понимание главной, самооценной и, в известном отношении, последней задачей терапевта. Воплощая эту установку, терапевт все делает для того, чтобы понять пациента и дать ему это понимание, а не старается понять для того, чтобы что-то сделать - повлиять, вылечить, исправить» [1, С. 48].

В понимающей психотерапии терапевт не проявляет активности, направленной на формирование понимания пациентом своих проблем. Сознательный отказ от воздействия в сочетании с полной обращенностью к пациенту, настроенностью на него, направлен на создание возможности последнему самому понять и продуктивно

преобразовать те жизненные проблемы, которые побудили человека обратиться к психологу.

С другой стороны, к концу XX века многими учеными была осознана необходимость рассматривать понимание в более широком научном контексте, чем его описание как феномена осмысленного отражения разных сторон явлений, событий, ситуаций. Х.Г. Гадамер, П. Рикер и др. стали интерпретировать понимание как содержательно более объемную категорию, чем познание, и уж тем более - индивидуальное мышление. Понимание, с их точки зрения, представляет собой универсальную способность человека, реализующуюся в его способах бытия в мире. В наши дни такая методологическая позиция приобрела устойчивые очертания. В ее основания были положены размышления крупнейших мыслителей нашего столетия - философов, психологов, историков и др. В психологии эта позиция связана, прежде всего, с развитием субъектно-деятельностного подхода и формированием психологии человеческого бытия как относительно самостоятельной области психологической науки.

Как известно, категория «бытия» принадлежит к основополагающим понятиям философии. Под бытием понимается сущее - то, что существует сейчас, существовало в прошлом и будет существовать в будущем. Не смотря на такой всеобъемлющий и, казалось бы, вневременной характер бытия, с гносеологической точки зрения, в нем надлежит различать два главных периода, - до существования человека и возникновения человеческого бытия. Такое различение принципиально важно, потому что человек является собой новый уровень сущего в процессе его развития: при соотношении с ним выявляются новые свойства в бытии всех прежних уровней. Как убедительно показал С.Л. Рубинштейн в «Бытии и сознании», с появлением человека, «возникновением нового уровня сущего во всех нижележащих уровнях, выявляются новые свойства. Здесь раскрывается значение, смысл, который приобретает бытие, выступая как «мир», соотносительный с человеком как частью его, продуктом его развития. Поскольку есть человек, он становится не чем иным, как объективно существующей отправной точкой всей системы координат. Такой отправной точкой человеческое бытие становится в силу человеческой активности, в силу возможности изменения бытия, чем человеческое существование отличается от всякого другого» [11, С. 63].

Введение Рубинштейном в контекст психологического анализа соотношения бытия и сознания новой категории «мир», стало важной вехой в развитии методологических оснований психологии. «Мир», как философско-психологическое понятие, может быть понят только сквозь призму высшего продукта развития - человеческого бытия. Мир - это бытие, преобразованное человеком, включающее в себя человека и совокупность связанных с ним общественных и личных отношений. Вследствие человеческой активно-

сти, мир представляет собой бытие, которое изменяется действиями в нем субъекта. Сознание и деятельность, мысли и поступки оказываются не только средствами преобразования бытия, в мире людей они выражают подлинно человеческие способы существования. И одним из главных из них является специфика понимания мира субъектом. Человек, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, сам творит свою жизнь в мире и понимает его.

Вследствие этого современные психологи, изучающие человека и сами живущие в человеческом мире, вольно или невольно вторгаются в пределы особой области психологической науки - психологии человеческого бытия. К основателям психологии человеческого бытия следует отнести, прежде всего, В. Франкла и С.Л. Рубинштейна. Несмотря на принадлежность к совершенно различным социальным мирам и научным школам, двое выдающихся ученых высказывали поразительно сходные суждения о психологии человека. Основой сходства являются, в первую очередь, почти одинаковые представления о *должном* - морально-нравственном императиве, который регулирует поступки субъекта, его представления о подлинно человеческом отношении к себе и другим. Этическую категорию долженствования можно сравнить с компасом, не только помогающим человеку выбирать способы ориентации в житейских ситуациях, но и адекватно понимать их.

Сходство научных взглядов двух ученых проявилось и в трех группах проблем психологии человеческого бытия, которые неизменно оказывались в центре их внимания. Рубинштейн говорит о проблемах взаимодействия субъекта с объектом, человека с объективной действительностью; отношениях субъекта с другими людьми и его отношении к себе. Франкл интерпретирует эти проблемы в терминах ценностей - смысловых универсалий, обобщающих опыт человечества. Он описывает три класса ценностей, позволяющих сделать жизнь человека осмысленной: труд (творчество), переживания и отношения [16]. Соответственно ученый описывает три типа смысла: «Хотя Франкл подчеркивает, что у каждого индивида есть смысл в жизни, которого никто другой не может воплотить, все же эти уникальные смыслы распадаются на три основные категории: (1) состоящие в том, что мы осуществляем или даем миру как свои творения; (2) состоящие в том, что мы берем у мира в форме встреч и опыта; (3) состоящие в нашей позиции по отношению к страданию, по отношению к судьбе, которую мы не можем изменить» [15, С. 498].

Утверждая, что в конце двадцатого века созрели предпосылки для рассмотрения психологии человеческого бытия как самостоятельной области психологической науки, я отчетливо осознаю не только перспективность такого направления анализа многих психических феноменов (в частности, понимания), но и возможные возражения и теоретиков, и практиков.

Прочитав или услышав это утверждение, любой образованный психолог может выразить недоумение: психологическое направление исследований, имеющее дело с анализом коренных проблем человеческой жизни, уже существует - это экзистенциальная психология. Ее предметом являются такие глобальные вопросы, как проблемы жизни и смерти человека, свободы и детерминизма, выбора и ответственности, общения и одиночества, смысла и бессмысленности или даже абсурдности существования [7]. В фокусе внимания психологов, исследующих закономерности психики человека с позиций психологии человеческого бытия, находятся фактически те же проблемы, однако *подходы к их решению* в двух названных направлениях психологической науки существенно различаются. Между психологией человеческого бытия и экзистенциальной психологией есть принципиальные различия, и некоторые особенности последней не позволяют исследователю эффективно, научно корректно изучать психологические особенности понимания мира субъектом.

Во-первых, проблема, с которой обязательно сталкивается психолог, привыкший к теоретико-экспериментальному анализу проблемы понимания, заключается в том, что экзистенциалистская ориентация в разных областях (например, консультировании) имеет глубоко интуитивный, а не эмпирический фундамент. Естественно, это означает скорее «схватывание» феноменологической целостности изучаемых явлений, чем установление достоверности выявленных закономерностей и воспроизводимости обнаруженных фактов. Экзистенциальные психологи «доступные пониманию психические взаимосвязи называют также внутренней причинностью (*Kausalität von Innen*), тем самым, указывая на наличие непреодолимой пропасти между собственно причинностью («внешней причинностью») и связями, устанавливаемыми в сфере психического и заслуживающими называться «причинными» только на правах аналогии» [20, С. 367]. Для психолога, анализирующего феномен понимания с позиций психологии человеческого бытия, признание существования непреодолимой пропасти между внешней и внутренней причинностью оказывается совершенно неприемлемым. Понимающий субъект является органичной и неотъемлемой частью мира и потому внешние и внутренние условия его существования включены как во «внешние», так и во «внутренние» связи и отношения. Следовательно, оба типа причинных связей и отношений имеют не дизъюнктивный, а взаимодополнительный характер.

Поскольку, согласно экзистенциалистскому пониманию существования, функции субъекта и объекта в бытии принципиально различны (объект «существует», а субъект «переживает»), то человек не познает объективный мир, а именно «переживает». Мало того, что в соответствии с этим тезисом постулируется если и не непознаваемость объекта, то уж во всяком случае несущ-

ственность познания мира, его малая значимость для самореализации человека. Это означает еще и акцент на сиюминутности: фокусировании внимания на тех эмоциях и чувствах, которые проявляются в данный момент. В экзистенциальной психотерапии это называется принципом «здесь и теперь». В результате получается, что человек пассивно отражает непознаваемые внешние стимулы, а не осуществляет свою жизнь как активно познающий, действующий и преобразующий мир субъект.

Для психолога-исследователя изучение любого психологического явления связано с анализом его причинно-следственных связей, внутренних и внешних условий, которые обусловили его формирование и развитие. Как отмечает Е.А. Климов, «в любом случае понимание и объяснение явлений психики должно быть «связесообразным», т.е. опираться на раскрытие рассматриваемого явления в системе тех или иных характеризующих его реальных связей (более принято и благозвучно выражение «законосообразность» понимания, объяснения; его мы и будем придерживаться)» [5, С. 26].

В отличие от научно-познавательной традиции, с экзистенциальной точки зрения исследовать, прежде всего, означает отодвинуть повседневные заботы и глубоко размышлять о своей экзистенциальной ситуации. Иначе говоря, думать не о том, каким образом мы стали такими, каковы мы есть, а о том, *что мы есть*. С позиций психологии человеческого бытия, психолог не может ограничиться узнаванием того, что есть, выявлением субъектом понимания, например, смысла своей жизни. Напомню, что для Рубинштейна и Франкла главная категория - должностное. Следовательно, задача психолога состоит не в констатирующем описании особенностей наличного бытия человека. Это еще и оценка реального бытия с позиций идеальных представлений о нем, этических отношений, морального императива. Только таким способом можно понять психику субъекта не как данность, определенный временной срез, а как динамическое, процессуальное образование. В этом плане человека следует рассматривать не только как телесное существо, но и как духовное.

В отечественной культуре бытие человека всегда описывалось в терминах не столько отражения приземленных реальных фактов, сколько стремления к достижению правды, попыток найти реальность более высокого порядка - высшую духовную правду. Например, Л.Н. Толстой в 1886 г. в черновике предисловия к сборнику «Цветник» говорил о том, что нужно «искать правды житейской, а правды духовной ... В миру-то нет полной правды, и потому, чтобы выразить ее, надо описывать не то, что есть, а то, чего никто не видел, но все понимают» [цит. по: 14, С. 13-14].

Во-вторых, субъектно-деятельностные основания психологии человеческого бытия изначально построены на представлении о том, что

развитие человеческой психики происходит в общении людей, диалоге субъекта с миром. В отличие от этого экзистенциальная психология по существу представляет собой психологию индивидуализма. Она изучает отдельного человека, противостоящего враждебному ему миру и остающегося один на один с неизбежными жизненными противоречиями - добром и злом, своими желаниями и социальными ограничениями, наконец, жизнью и смертью. Один из крупнейших современных психотерапевтов, профессор Стэнфордского университета ИД. Ялом называет такой модус существования человека экзистенциальной изоляцией. Он пишет: «Индивиды часто бывают изолированы от других или от частей себя, но в основе этих отъединенностей лежит еще более глубокая изоляция, связанная с самим существованием, - изоляция, которая сохраняется при самом удовлетворительном общении с другими индивидами, при великолепном знании себя и интегрированности. Экзистенциальная изоляция связана с пропастью между собой и другими, через которую нет мостов. Она также обозначает еще более фундаментальную изоляцию - отделенность между индивидом и миром» [19, С. 400].

Согласно экзистенциальному взгляду на мир, как бы ни был близок один человек другому, между ними все равно всегда остается непреодолимая пропасть, потому что каждый из нас в одиночестве приходит в мир и в одиночестве должен его покидать. Это порождает неизбежный конфликт между сознаваемой абсолютной изоляцией и потребностью в общении с людьми, защите и, в конечном счете, - принадлежности к какой-то целостности. Экзистенциальный подход не отрицает важной роли intersубъективных отношений в жизни человека, однако, это отношения не взаимодействия и сотрудничества, а отстранения и отчуждения. Взгляд другого человека на субъекта превращает последнего в бездушный объект наблюдения, отчужденный как от самого себя, так и от всего окружающего мира. Особенно отчетливо установка на индивидуализм проявляется в центральной для экзистенциалистской теории проблеме свободы: например, в отношении половой любви каждый из партнеров стремится завладеть свободой другого и превратить ее в вещь [12].

С позиций психологии человеческого бытия, к проблеме одиночества необходим дифференциальный подход. Он предполагает изучение психологических характеристик и выделение разных типов одиноких людей, а также поиски причинных связей между временным состоянием и длительным чувством одиночества. Эта проблема связана с индивидуально-психологическими особенностями восприятия человеком себя и своего окружения. Одиночество как мироощущение и переживание личности представляет собой многомерное, системное качество, которое нельзя понимать и оценивать упрощенно, т.е. исключительно как проявление экзистенциальной изоляции. Одиночество - объ-

ективное состояние и субъективное мироощущение - зависит от социально-ролевого статуса субъекта и его личностных качеств.

В исследовании Н.Е. Харламенковой по этим параметрам было выделено три типа личности. *Зависимый* тип характеризовался сочетанием низкой потребности в самоутверждении с завышенной самооценкой и суженной (за счет отвержения целей самореализации) системой ценностей. Для людей *доминирующего* типа характерны гиперпотребность в самоутверждении, завышенная самооценка и ориентация на ценности самореализации. *Самодостаточный* тип личности отличает конструктивный способ самоутверждения в сочетании с ориентацией на независимость, ценности общения с другими людьми и саморазвитие. Результаты экспериментов показали, что только зависимые и доминирующие личности переживают состояние одиночества в виде негативно окрашенного чувства отчужденности от людей. «При этом оказалось, что доминирующая личность с ярко выраженными агрессивными тенденциями, демонстрируя свою независимость от других людей, на самом деле нуждается в них гораздо большей мере, чем зависимая личность» [17, С. 90]. В то же время для самодостаточного человека состояние одиночества ассоциируется с чувством свободы и независимости: «Самодостаточная личность, ориентированная на собственное понимание действительности, интерпретирует состояние одиночества как своеобразное благо, не испытывая обостренного чувства одиночества и отчужденности» [там же, С. 91].

Следовательно, при дифференцированном психологическом подходе к проблеме оказывается, что экзистенциальную изоляцию нельзя рассматривать как универсальную характеристику бытия человека, непременно порождающую чувство одиночества. Многое зависит от того, какими психологическими свойствами обладает субъект, какое место он занимает в обществе и как оценивает свои отношения с другими людьми.

В-третьих, сторонникам психологии человеческого бытия присущ если не безграничный оптимизм, то, во всяком случае, трезвый и реальный взгляд на место и предназначение человека в системе мироздания. Такая мировоззренческая позиция отвергает представления о безусловной абсурдности и бессмысленности человеческого существования. Экзистенциальная психология во многом унаследовала идеи философии экзистенциализма, в основе которой лежит пессимистический взгляд на человеческую природу. «Экзистенциальный человек» безуспешно пытается преодолеть «отвратительные», вызывающие тошноту (вспомним название одноименного романа Ж.-П. Сартра) проявления своей телесной, материальной оболочки. Одновременно он с ужасом сознает, что это ему не дано: растворение себя в потоке мелких чувств и желаний, обыденных ситуаций всегда будет препятствовать постижению высшего смысла

бытия. Неудивительно, что неизбежным и малоутешительным выводом экзистенциализма являются мысли об универсальности смерти как единственной антитезы бытию, бессмысленности и даже абсурдности существования человека: небытие не уравнивает бытие, а активно опровергает его.

В противоположность изложенному выше, психология человеческого бытия исходно направлена на анализ существования субъекта в мире с позиций «Я и другой человек». В этом ракурсе фундаментальные проблемы человеческой жизни видны под иным углом зрения. В частности, конечная точка земного пути человека, смерть, предстает не как безусловная трагедия. Отношение к ней субъекта определяется в зависимости от рассмотрения им себя, своей активности в мире, возможностей взаимодействовать с другими людьми и оставить после себя что-то если не значительное, то, по крайней мере, субъективно ценное. Ведь смерть - это не только трагический конец индивидуального существования: «Смерть есть также конец моих возможностей дать еще что-то людям, позаботиться о них. Она в силу этого превращает жизнь в обязанность, обязательство сделать это в меру моих возможностей, пока я могу это сделать. Таким образом, наличие смерти превращает жизнь в нечто серьезное, ответственное, в срочное обязательство, в обязательство, срок выполнения которого может истечь в любой момент. Это и есть закономерно серьезное отношение к жизни, которое в известной степени является этической нормой» [11, С. 82]. Отсюда закономерный вывод: «Мое отношение к собственной смерти сейчас вообще не трагично. Оно могло бы стать трагичным в силу особой ситуации, при особых условиях - в момент, когда она обрывала бы какое-то важное дело, какой-то замысел» [там же]. Следовательно, этическое отношение субъекта к другим людям и себе коренным образом изменяет представление человека о трагическом финале бытия.

Как перечисленные, так и другие не названные особенности экзистенциальной психологии и психологии человеческого бытия привели меня к выводу о большей перспективности изучения проблемы понимания с позиций последней. Это не означает отрицания возможности и в чем-то даже продуктивности экзистенциального взгляда на проблему (например, К. Ясперс с этих позиций осуществил просто блестящий по глубине и ясности анализ феноменологии понимания [20]). Просто таков мой личный научно-мировоззренческий и, если хотите, «экзистенциальный» выбор.

Понимание субъектом мира и самопонимание

Главная проблема, занимающая обоих основоположников психологии человеческого бытия, - это проблема поиска и нахождения каждым человеком смысла жизни. По Франклу, «нахождение смысла - это вопрос не познания, а при-

звания. Не человек ставит вопрос о смысле своей жизни - жизнь ставит этот вопрос перед ним, и человеку приходится ежедневно и ежечасно отвечать на него - не словами, а действиями. Смысл не субъективен, человек не изобретает его, а находит в мире, в объективной действительности, именно поэтому он выступает для человека как императив, требующий своей реализации» [15, С. 114]. Для Рубинштейна смысл жизни представляет собой такое ценностно-эмоциональное образование личности, которое проявляется не только в принятии одних ценностей и отрицании других, но и в саморазвитии, самореализации личностных качеств субъекта, ищущего и находящего высший, «запредельный» смысл своего бытия. Франкл называет его сверхсмыслом, а Рубинштейн полагает, что «смысл человеческой жизни - быть источником света и тепла для других людей. Быть сознанием Вселенной и совестью человечества. Быть центром превращения стихийных сил в силы сознательные. Быть преобразователем жизни, выкорчевывать из нее всякую скверну и непрерывно совершенствовать жизнь» [11, С. 113].

В соответствии с названием моего выступления, я не собираюсь анализировать всю совокупность проблем, относящихся к психологии человеческого бытия. Ее цель более конкретна - рассмотреть только то, что связано с психологической спецификой понимания мира субъектом. Основные вопросы, которые необходимо обсудить в выступлении, так или иначе связаны с интерпретацией понимания мира как такого поиска и порождения человеком разнообразных смыслов, которые делают для него этот мир осмысленным, а свое существование в нем оправданным.

Для обоснования необходимости изучения понимания субъектом мира с позиций психологии человеческого бытия, прежде всего, нужно обозначить круг проблем, с которыми сталкивается психолог-исследователь в этой проблемной области.

Первая проблема - центральная с точки зрения субъектно-деятельностного подхода, - взаимодействие субъекта и объекта как определяющий фактор формирования понимания. Иначе говоря, это проблема объективных и субъективных условий понимания. Как показывают психологические исследования общения и взаимопонимания людей, смысловой анализ и понимание коммуникативной ситуации зависит от личностного и субъективного значения, которое она имеет для человека. Для понимания того, что происходит, психолог должен суметь определить то, как коммуниканты сами интерпретируют эту ситуацию, понимают ее как целое. Это очень непростая задача, и прежде всего потому, что люди часто не осознают, что их партнеры могут совершенно по-другому понимать ту же ситуацию. Вследствие этого они склонны быть чересчур уверенными в своем предсказании их поведения.

Положение осложняется еще тем, что субъекты общения нередко заблуждаются и относительно себя, своих возможных реакций на то или иное изменение ситуации. На это обратили внимание американские психологи Л. Росс и Р. Нисбетт: «Люди могут проявлять излишнюю уверенность и в предсказании своего собственного поведения, если его контекст необычен или неопределен. Мы утверждаем, что люди способны прогнозировать поведение с обоснованной уверенностью лишь тогда, когда их собственная интерпретация безусловно точна и одновременно вполне совпадает с интерпретацией, имеющейся у человека, чье поведение рассматривается» [10, С. 49]. Из этого следует важный для психологии понимания вывод о расхождении между субъективной уверенностью в правильности рефлексивного понимания партнеров и объективной реальностью процессов, происходящих в коммуникативной ситуации. Иначе говоря, «люди склонны проявлять гораздо большую субъективную уверенность в предсказании реакций друг друга, чем это можно позволить исходя из объективной оценки точности этих предсказаний» [там же, С. 158].

Таким образом, субъективная интерпретация коммуникативной ситуации ее участниками оказывается не менее важной составляющей понимания, чем объективные обстоятельства, в которых происходит общение. При этом необходимо учитывать, что неадекватность интерпретации, избыточная уверенность в предсказании социального поведения может быть обусловлена двумя главными причинами. *Во-первых*, для того, чтобы предсказать, какова будет реакция того или иного человека на определенную ситуацию (даже если речь идет о хорошо известном нам человеке, которого мы наблюдали ранее во многих разнообразных ситуациях), как правило, необходимо знать или правильно догадываться о ее деталях, в особенности о тех ее свойствах, которые определяют относительную привлекательность возможных альтернативных реакций. *Во-вторых*, помимо знания о подобных объективных особенностях ситуации, необходимо учитывать личную точку зрения того человека, чьи действия мы предсказываем» [там же, С. 160].

Вторая проблема, которую необходимо рассмотреть, - взаимообусловленность понимания и самопонимания. Сегодня многие ученые-гуманитарии пришли к выводу о том, что понимание всегда одновременно является и самопониманием [13,18]. Независимо от того, на что направлено понимание - изучение человека, общества или природы, - это всегда процесс самопонимания. Даже если мы пытаемся понять что-то внешнее, какую-то объективную реальность, мы выражаем самих себя, познаем, расширяем и понимаем свой внутренний мир. Любой акт понимания осуществляется в двух направлениях. Понимая что-то во внешнем мире, поднимаясь еще на одну ступеньку познания, субъект одновременно углубляется в себя и как бы возвыша-

ется над собой. Об этом очень точно сказал Ж.-П. Сартр: «Понять - значит измениться, превзойти самого себя...» [цит. по: 13, С. 348].

С позиций психологии человеческого бытия, понимание нужно человеку для того, чтобы понять себя, определить, что он есть, какое место занимает в мире. В конечном счете, смысл нашего бытия действительно состоит в понимании, а главное предназначение субъекта - искать смысл жизни, понимать ее. Понимая мир, человек должен понять себя не как объект, а осознать изнутри, с позиции смысла своего существования.

Почему понимание одновременно является выходом вовне и таким актом самопонимания, который оказывается изменением психической реальности понимающего субъекта, возвышающим его над «бременной телесной оболочкой»? Для специалистов по психологии понимания ответ на этот вопрос очевиден. Разнообразные познавательные подходы к изучению понимания внесли существенный вклад в раскрытие психологических механизмов этого феномена, но вместе с тем уже почти исчерпали себя. Сегодня мы немало знаем об основных условиях возникновения понимания, различных формах, в которых оно проявляется, свойствах личности, детерминирующих специфику понимания [2]. Однако эти знания мало способствуют уяснению сути духовного Я понимающего мир человека. Я имею в виду то невыразимое в познавательных категориях возвышенное состояние, которое возникает в самые творческие мгновения акта понимания. Поиски психологических оснований духовного Я понимающего субъекта бессмысленны в рамках когнитивной психологии, потому что такие основания скорее соответствуют психологии человеческого бытия.

Третья проблема - выявление основных направлений анализа самопонимания в современной психологии. В наиболее общем виде самопонимание можно определить как процесс и результат наблюдения и объяснения человеком своих мыслей и чувств, мотивов поведения; умение обнаруживать смысл поступков; способность отвечать на причинные вопросы относительно своего характера, мировоззрения, а также отношения к себе и другим людям.

В этом контексте важно обратить внимание на неодинаковость, нетождественность феноменов «самопознание» и «самопонимание». Познавая себя, субъект получает знания путем ответа на *констатирующие* вопросы, типа «Какой я?» или «Что я знаю о себе?» Например, заполняя психологические опросники, человек может узнать о степени сформированности у него коммуникативных черт личности, показателях вербального и невербального интеллекта и т.п. Ответы на констатирующие вопросы приводят нас к узнаванию чего-то нового, но не обязательно понятного. Вследствие этого оказывается возможной такая парадоксальная ситуация, при которой человек может достаточно хорошо знать, но не понимать себя. В процессе самопонимания

мы отвечаем на вопросы другого типа - *причинные*: «Зачем я так поступил?», «Почему этот человек мне не нравится?»

Указанные различия между самопознанием и самопониманием особенно отчетливо видны в психотерапевтических практиках. Цель многочисленных психотерапевтических методик заключается в попытках терапевта побудить пациента понять себя посредством ответов на вопросы о том, почему он (она) именно так, а не иначе думает, чувствует, поступает. Возникающее вследствие ответов на вопросы лучшее понимание себя способствует осознанию причин болезни и, в конечном счете, - преодолению ее. Если же пациент просто со временем все больше и больше узнает о своих болезненных симптомах, то такое самопознание оказывается малопродуктивным. Как отмечают специалисты, каждый из них «может встретиться с больными, которые благодаря иногда многолетним контактам с психиатрами обладают большими знаниями о своих невротических механизмах, что ни в коей мере не облегчает их страданий» [4, С. 192].

И.А. Романова проанализировала немногочисленные отечественные, а в основном западные публикации. Она пришла к выводу, что, прежде всего, заслуживают внимания две главные интерпретации феномена - в гуманистической психологии и психоанализе. Психоанализ рассматривает самопонимание как такое психическое образование, которое дает возможность личности изменяться в процессе взаимодействия с психоаналитиком. Понимание человеком своих подавленных чувств, желаний ведет к личностной интеграции и противопоставляется механизмам защиты, в первую очередь, рационализации и интеллектуализации. Следовательно, с позиций психоанализа можно ставить и искать пути решения проблемы адекватности самопонимания, исследовать его механизмы, взаимосвязь самопонимания и саморегуляции. «В гуманистической психологии самопонимание рассматривается как предпосылка личностного роста и самоактуализации. Однако в отличие от психоаналитического подхода гуманистическая психология подчеркивает эмоциональный, чувственный, эмпатический, а не рациональный характер самопонимания. Самопонимание тесно связано с самопринятием, положительной самооценкой и дает личности возможность более полно проживать свою жизнь, «быть собой» в максимальной степени» [9, С. 132].

Несмотря на интересность и практическую полезность воззрений представителей двух названных направлений на природу самопонимания, для психологического анализа этого феномена необходимо выявить конкретные внешние и внутренние условия его формирования и развития. Изучение таких условий должно вестись в направлении исследования сходства и различий самопонимания и самопознания, самооценки, самоотношения, самопринятия и самоубеждения; соотношения человека как субъекта самопонимания (его понимающего Я) и как его

объекта (понимаемого Я); процесса самопонимания и его продукта; адекватности самопонимания и самообмана (в психологическом смысле эти категории, по-видимому, нельзя рассматривать как семантические антиподы).

Четвертая проблема, которую необходимо обозначить, - общественные и личностные детерминанты самопонимания. В мире человека понимание различных явлений осуществляется изнутри социокультурной среды как самопонимание: понимание субъектом себя как члена культурно-языковой общины. Л. Витгенштейн писал, что в стране с чуждыми нам традициями, «даже владея языком этой страны, мы не понимаем людей. И не потому, что не знаем, что они говорят друг другу. Мы не можем обнаружить себя в них» [цит. по: 3, С. 186].

Иначе говоря, проблема заключается в поисках того целостного контекста, в который субъект включает все, что должно приобрести для него смысл. В соответствии с исходными установками психологии человеческого бытия, этот контекст следует искать как во внешнем мире, общении с другими людьми, так и во внутреннем мире субъекта. Психологические исследования показывают, что конкретный характер самопонимания в значительной степени зависит от того, к какой социальной общности относит себя человек, с какой позиции он пытается получить ответы на жизненно важные вопросы.

Влияние на самопонимание идентификации себя с определенной группой особенно возрастает в периоды политических и экономических преобразований в обществе. На это, в частности, указывают данные этнопсихологических исследований: «В условиях трансформации системы базовых социальных категорий. (гражданской, этнической и т.д.) личность стремится идентифицироваться с теми группами, членство в которых позволяет ей решить проблему смысловой определенности, а именно, - помогает наиболее адекватным изменившейся реальности способом ответить на вопрос: *кто я?* Через поиски ответа на этот вопрос человек реализует не столько базальную потребность в самоуважении, сколько базальную потребность *в смысле, в понимании*. Ответ на этот вопрос служит усилению чувства контроля над собственной жизнью, а, следовательно, лучшей адаптации человека в изменившемся мире. Поэтому далеко не всегда человек идентифицируется с наиболее привлекательными социальными категориями (например, европейцами или доминирующей этнической группой), а подчас осознанно причисляет себя к неуважасмым, навязанным извне негативным категориям (например, изгоям, людям второго сорта, «инородцам» и т.д.), поскольку эти категории более точно определяют его положение в новой социальной реальности» [6, С. 53].

Социальная идентификация как один из психологических механизмов понимания субъектом мира и себя в мире конкретно проявляется в избирательности социальных контактов, которые

люди используют для подтверждения собственного мнения о себе. Как показал У.Б. Суонн, выбирая круг общения, люди предпочитают иметь дело с теми, кто видит и оценивает их так же, как они сами. Это помогает подтверждению «правильности» самопонимания и идентичности. Интересно, что такая стратегия поведения не зависит от оценочной составляющей самопонимания. Если мы видим себя в негативном свете, то предпочитаем выбирать знакомых, которые видят нас так же. При положительном взгляде на себя мы ищем партнеров, которые подтверждают такое самопонимание. Общение с теми, кто оценивает нас примерно так, как мы, способствует адекватному предсказанию социальных взаимодействий и порождает чувство контроля над своим окружением. Расхождение в оценках и самооценках, наоборот, уменьшает это чувство и ведет к переживаниям, страданиям и ощущению несчастья [22].

Другим социально-психологическим фактором формирования самопонимания является сопоставление субъектом понимания себя с его пониманием другими, занимающими более высокое или низкое статусное положение. В частности, на примере семейных пар показано, что если один из супругов имеет более высокий социальный и психологический статус, то его (ее) суждения оказывают значимое влияние на самооценку и самопонимание партнера по браку. И, наоборот: при более низком статусе самопонимание субъекта может изменяться под влиянием партнера. При одинаковом статусе влияние оказывается взаимным [21].

Таким образом, исследование понимания субъектом мира с позиций психологии человеческого бытия открывает перед нами новые горизонты и интересные перспективы психологического анализа этого феномена.

Вопрос: Возможно ли соотнесение понимания и системы ценностей?

Ответ: Разумеется. В любом случае – понимаю я или не понимаю – я должен соотнести одно с другим.

Вопрос: Есть понимание эмпатическое и неэмпатическое? Вне эмпатии понимания нет?

Ответ: Да, вне эмпатии понимания нет. Немецкие авторы, например, считают возможным рассматривать эмпатическое понимание с разным знаком – положительным и отрицательным.

Вопрос: Значит ли, что понимание всегда происходит, но с разным знаком?

Ответ: Конечно. Даже если человек нам не приятен, мы не испытываем к нему сочувствия, все равно мы делаем шаг навстречу к эмпатическому пониманию.

Вопрос: Что Вы думаете о соотношении коммуникации и общения?

Ответ: В своем докладе я эти термины использовал как синонимы, хотя отношения между ними могут быть и более сложными.

Вопрос: Объясните, пожалуйста, что есть понимание в России и в других странах?

Ответ: Ну, тут надо, пожалуй, начинать со Святого Августина и Фомы Аквинского, – что вмешиваться во внутренний мир других не позволительно. Это вопрос, скорее, имеет отношение к культуре, чем к психологии.

Вопрос: А вот относительно лжи?

Ответ: В западной культуре в определение лжи включен сам человек, которому лгут, – поскольку нарушаются права человека. А у нас такого нет.

Вопрос: Как соотносятся понимание и интерпретация?

Ответ: Это вопрос хороший. Ответ короткий: любое понимание – это есть интерпретация.

В завершение хочу сказать, что мной разработан метод в контексте проблемы понимания, и он должен быть опубликован в одном из ближайших номеров «Психологического журнала». Знакомство с ним будет хорошим дополнением к моему докладу

Литература

1. Василюк Ф.Е. Семиотика психотерапевтической ситуации и психотехника понимания//Московский психотерапевтический журнал. - 1996. - № 4 (14). - С. 48-68.

2. Знаков В.В. Понимание в познании и общении. - М.: Институт психологии РАН, 1994.

3. Ионин Л.Г. Понимающая социология. Историко-критический анализ. - М.: Наука, 1979.

4. Кемпиньски А. Человек и невроз. Психопатология и психотерапия неврозов. - М.: Независимая ассоциация психологов-практиков, 1997.

5. Климов Е.А. Социальная перцепция: объяснение и понимание//Развитие социально-перцептивной компетентности личности. Материалы научной сессии, посвященной 75-летию академика А.А. Бодалева. - М.: РАГС, 1998. - С. 24-29.

6. Лебедева Н.М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла//Психол. журн. 1999. - Т. 20. - № 3. - С. 48-58.

7. Леонтьев Д.А. Что такое экзистенциальная психология?//Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. - М.: Смысл, 1997. - С. 40-54.

8. Ришар Ж.Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. - М.: ИП РАН, 1998.

9. Романова И.А. Самопонимание личности//Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе. (К 110-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна). - М.: ИП РАН, 1999. - С. 131-132.

10. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. - М.: Аспект Пресс, 1999.

11. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. - М.: Наука, 1997.

12. Сартр Ж.-П. Стена: Избранные произведения. - М.: Политиздат, 1992.

13. Соколов Б. Понимание понимания: понимание Платоновского понимания//Парадигмы философствования. Вторые международные философско-культурологические чтения. - СПб: Философско-культурологический исследовательский центр ЭЙДОС. Санкт-Петербургский Союз ученых, 1995. - С. 346-352.

14. Тарасов А.Б. Праведники и праведничество в позднем творчестве Л.Н. Толстого: Автореф. канд. дис. - М.: АО «Диалог-МГУ», 1998.

15. Тихонравов Ю.В. Экзистенциальная психология. Учебно-справочное пособие. - М.: ЗАО «Бизнес-школа Интел-Синтез», 1998.

16. Франкл В. Человек в поисках смысла. - М.: Прогресс, 1990.

17. Харламенкова Н.Е. Дифференциальный подход к проблеме одиночества: зависимость, доминирование, самодостаточность//Психология личности: новые исследования. - М.: Институт психологии РАН, 1998. - С. 85-97.

18. Шаповалов В.Ф. Как понять Россию? (Этюды о «российской экзотичности»)//Общественные науки и современность. 1998. - № 1. - С. 89-102.

19. Ялом И.Д. Экзистенциальная психотерапия. - М.: Независимая фирма «Класс», 1999.

20. Ясперс К. Общая психопатология. - М.: Практика, 1997.

21. Cast A.D., Stets J.E., Burke P.J. Does the Self conform to the views of others?//Social psychology quarterly. - 1999. - V. 62. - № 1. - P. 68-82.

22. Swann W.B. Identity negotiation: where two roads meet//J. of personal and social psychology. - 1987. - V. 53. - 5. - P. 1038-1051.

UNDERSTANDING as a PROBLEM of PSYCHOLOGY HUMAN LIFE

V.V. Znakov (Moscow)

The summary: In clause two problems are analyzed. First is, that at the end of XX-th centuries in humanitarian sciences there was a tendency to study understanding not only as a perceptprional phenomenon, but also as existential, - way of life of the man in the world, searches by him of sense of life. The second problem consists in occurrence of the objective bases for the statement about formation of new and rather independent branch of psychological knowledge - psychology of human life, Its subject domain in many respects coincides with existential psychology, however, the methods of the decision of problems in two named areas of psychological knowledge essentially differ.

Key words: Understanding, self-understanding, existential psychology, psychology of human life

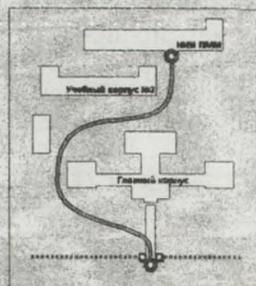
PUBLIC RELATIONS

**ФАКУЛЬТЕТ
ПСИХОЛОГИИ**

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Новая Специальность**Связи с
общественностью**Персональный и корпоративный
ИМИДЖФорма обучения:
очно-заочнаяСрок обучения:
от 2.5 до 5 лет

Телефон 410 100

Лицензия 24Г-0370 от 1.04.99

Свидетельство о государственной аккредитации № 25-0083 от 22.07.97